

Международное частное право

ИНСТИТУТ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЯХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕН- НОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (НА ПРИМЕРАХ РЯДА СТРАН)

Мохаммад Х а с а н (Афганистан)*

В последние годы в рамках унификации норм международного частного права в этой сфере произошли значительные изменения: 22 декабря 1985 г. в Гааге подписана Конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров (подписали Чехословакия и Нидерланды). Ранее в Гааге 14 марта 1987 г. была подписана Конвенция о праве, применимом к договорам о посредничестве (подписали Франция, Португалия и Нидерланды). Хотя указанные конвенции в силу не вступили, их значение для становления общих подходов и принципов в этом отношении велико. Вступила в силу с 1 апреля 1991 г. Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, подписанная странами Европейского Союза в Риме 19 июня 1980 г.

Во внутреннем законодательстве Российской Федерации также произошли значительные изменения: со вступлением в силу с 3 августа 1992 года на территории России Основ гражданского законодательства 1991 г. Так, конкретизированы коллизийные привязки по основным видам внешнеэкономических договоров. В ряде независимых государств-членов СНГ приняты законы о внешнеэкономической деятельности, где также полу-

*Кандидат юридических наук, Ассистент кафедры международного права Российского Университета Дружбы Народов.

чили отражение современные принципы определения применимого права (например, Закон Украины от 16 апреля 1991 г.). Провозглашено действие Основ гражданского законодательства 1991 г. (например, в Казахстане), приняты дополнения к Гражданскому кодексу (например, в Белоруссии).

Можно упомянуть и двусторонние договоры и соглашения, заключаемые на государственном уровне различными странами, где проблеме применимого права также уделяется внимание. Так, статья 12 Соглашения от 19 июня 1992 г. “О торговых и коммерческих отношениях между Российской Федерацией и Канадой” называется “Применимое право и урегулирование коммерческих споров”. Она предельно ясно излагает позицию двух государств по рассматриваемой теме:

1. Ни одна из Сторон не будет препятствовать лицам, подпадающим под ее юрисдикцию, договариваться с лицами другой Стороны о выборе закона, регулирующего заключение и исполнение подписанных ими контрактов.

2. Лица Российской Федерации, с одной стороны, и лица Канады, с другой, могут договариваться об урегулировании споров, возникающих в связи с коммерческими сделками, через арбитраж.

3. Такие лица, вовлеченные в спор по отдельным коммерческим контрактам, могут договариваться об обращении в арбитражный суд в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), принятым в 1976 г.

4. Без ущерба возможности принятия иного решения лица, являющиеся Стороной по контракту, могут указывать местом проведения арбитражного разбирательства страну иную, нежели Российская Федерация или Канада, которая является участницей Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, подписанной в Нью-Йорке 10 июня 1958 г.

5. Ничто в настоящем Соглашении не будет толковаться таким образом, чтобы помешать, а Стороны не будут запрещать участникам коммерческих сделок договариваться о какой-либо иной форме арбитража для урегулирования коммерческого спора, которую они взаимно предпочтут и которая, по их мнению, наилучшим образом отвечает их коммерческим интересам.

6. Лица Российской Федерации и лица Канады будут пользоваться доступом в суды другой Стороны на таких же условиях, как и лица любой третьей страны.

Аналогичные по сути нормы содержатся, например, в Согла-

шении между Правительством РФ и Правительством Республики Куба от 03.11.92 "О торгово-экономическом сотрудничестве".

Автономия воли сторон в выборе применимого к их договорным отношениям права теперь признается повсеместно. Это следует из ст. 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., из статьи 6 Закона Украины о внешнеэкономической деятельности 1991 г., из статьи 5 Закона КНР о внешнеэкономическом договоре 1985 года.

Международные конвенции также ставят на первое место соглашение сторон о выборе применимого права (ст. 3 Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам, ст. 7 Гаагской конвенции от 22 декабря 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, ст. 5 Гаагской конвенции от 14 марта 1978 г. о праве, применимом к договорам о посредничестве). В отношении же коллизионных привязок национальные законы и международные конвенции содержат достаточно разнообразных предписаний. Согласно ст. 166 Основ гражданского законодательства при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве применяется право стороны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, являющаяся: продавцом — в договоре купли-продажи, наймодателем — в договоре имущественного найма, лицензиаром — в договоре о пользовании исключительными или аналогичными правами, хранителем — в договоре хранения, комиссионером — в договоре комиссии, поверенным — в договоре поручения, перевозчиком — в договоре перевозки, экспедитором — в договоре транспортной экспедиции, страховщиком — в договоре страхования, кредитором — в кредитном договоре, дарителем — в договоре дарения, поручителем — в договоре поручительства, залогодателем — в договоре залога. Далее определяется коллизионная привязка по договорам о производственном сотрудничестве, специализации и кооперировании, выполнении строительных монтажных и других работ по капитальному строительству (к праву страны, где такая деятельность осуществляется или создаются предусмотренные договором результаты), по договору о создании предприятия с иностранными инвестициями с участием иностранных юридических лиц и граждан (право страны, где учреждено совместно предприятие), по договору, заключенному на аукционе, в результате конкурса или на бирже (право страны, где проводился аукцион, конкурс или находится биржа). В этой же ст. 166 Основ впервые предусматривается применение права страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение,

имеющее решающее значение для содержания данного договора. Вместе с тем нельзя не отметить, что данная статья относится к обязательствам по внешнеэкономическим сделкам, определение которых в законодательстве отсутствует, что затрудняет в ряде случаев разграничение ее предписаний от правила ст. 165 Основ, где в п. 2 предусмотрено, что права и обязанности сторон по сделке определяются по праву места ее совершения, если иное не установлено соглашением сторон.

Иной коллизионный критерий избран в Законе КНР о внешнеэкономическом договоре: если стороны не пришли к единому мнению, применяется закон государства, наиболее тесно связанный с договором.

Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, в ст. 4 предусматривает, что в той степени, в какой применимое право не было избрано в соответствии с правилами ст. 3, договор регламентируется законом страны, с которой он имеет наиболее тесную связь. При этом делимая часть контракта, имеющая более тесную связь с другой страной, может в порядке исключения регулироваться правом другой страны, то есть также предусматривается возможность подчинении отдельных частей контракта различному праву. Согласно общей презумпции, контракт наиболее тесно связан со страной, где сторона, которая должна исполнить характерное для данного контракта обязательство, имеет во время его заключения свое обычное местожительство или, если речь идет о корпоративной или некорпоративной организации, имеет свой административный центр. Однако, если контракт заключен в рамках профессиональной деятельности стороны, такой стороной будет являться та, где находится ее основное предприятие. В тех случаях, когда согласно контракту обязательство должно быть исполнено не основным, а иным предприятием, так страной будет та, где находится это иное предприятие.

Специальную презумпцию Конвенция предусматривает для определения применимого права для двух видов договоров (перевозки и договоров, связанных с недвижимостью). Гаагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, предусматривает в ст. 8, что в указанном случае применяется закон государства, в котором продавец имеет свое местонахождение в момент заключения договора. И далее в п. 3 ст. 8 в качестве дополнительного критерия определается, что в исключительных случаях, например, когда в силу сложившихся между сторонами деловых отношений купли-продажи явным образом наиболее связана с правом иным, чем право, определяемое согласно вышеприведенному критерию, применяется к та-

кому договору купли-продажи это право. Вместо с тем, в п. 5 той же ст. 8 указывается, что положения п. 3 не применяются к вопросам, регламентируемым Венской конвенцией 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров, если в момент заключения договора продавец и покупатель имеют свое местонахождение в странах-участницах Конвенции.

Гагская конвенция 1978 г. о праве, применимом к договорам о посредничестве, в ст. 6 отсылает при отсутствии выбора применимого права к праву страны, где посредник имел свое местонахождение или местожительство в момент заключения договора.

Таким образом, на сегодняшний день общепризнанным является принцип, согласно которому стороны свободны в выборе при заключении договора применимого права. Коллизионные же привязки, как следует из изложенного, неодинаковы и могут значительно отличаться.

Относительно бывшего Советского Союза можно отметить, что в СССР возможность для сторон внешнеторгового договора выбирать применимое к их контрактным взаимоотношениям право была впервые законодательно закреплена в 1961 г. в ст. 126 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. До этого лишь практика ВТАК придавала юридические последствия таким соглашениям, да то только со второй половины 30-х годов.

В правовой литературе СССР можно найти ответ на вопрос, каково основание позитивного отношения советского (теперь уже российского) права к соглашению сторон контракта о применимом праве. В частности, Д.Ф. Рамзайцев указывал на существование международно-правовых обычаев, разрешающих все, что он называл "общими вопросами международного частного права". Эти обычаи основываются "на принципах, получивших признание в международно-правовой практике государств". "К этой группе относится следующий, получивший значение международно-общая, юридический принцип:

— признается допустимым заключение сторонами, принадлежащими к различным государствам, соглашения "о выборе права", подлежащего применению к отношениям сторон по заключенной сделке". Законодательное закрепление в Основах 1961 г. принципа автономии воли сторон контракта в определении применимого к их отношениям права явилось, тем самым, следованием со стороны СССР международно-правовому обычаю.

Применимое право в судебно-арбитражной практике Англии имеет историческую давность. Суды большинства сторон кон-

тракта были свободны в выборе права в начала XX века, следуя за учеными. Английские же суды обратились к теории автономии еще в 1760 году (дело *Robinson V. Bland*). В данном деле Лорд Мэнсфилд высказался за то, что хотя закон места совершения контракта, а не места, где подан иск, является наиболее общим правилом, из этого правила есть исключения, когда в ходе совершения контракта стороны имели в виду другое королевство.

Другое дело, которое слушалось сто лет спустя в 1865 г. *Lloyd V. Guisnet* (1865, L.R.I.A.B.115), еще больше проясняет вопрос. “Необходимо принять во внимание, какое право стороны намеревались считать применимым к их сделке или, по крайней мере, резюмировать, что они подчинили себя ему”, — так высказывался по данному делу Лорд *Wiles T.*

Вообще английская практика международного коммерческого арбитража является наиболее показательной в этой сфере. Поэтому хотелось обратить внимание на еще одно дело, а именно дело 1894 года: *Hamlyn & Co. V Taliskev Distilleny and others* (1894) AC 202, HL. Суть его в том, что между английской и шотландской фирмами был заключен контракт. Он был подписан в Лондоне, но исполняться должен был в Шотландии. Арбитражная оговорка предусматривала, что любой спор, возникший из этого контракта, должен быть разрешен двумя членами Лондонской зерновой биржи (или суперарбитраж по их назначению) в обычном порядке. Шотландская фирма подала иск в Шотландии на английскую компанию, обвинив ее в причинении ущерба (нанесении убытков вследствие нарушения условий контракта). Английская компания заявила, что иск невозможен в силу имеющейся в контракте арбитражной оговорки. Шотландский суд занял позицию, что по смыслу оговорки шотландское право применимо к контракту в силу того, что Шотландия является местом исполнения контракта (*locus solution*) и передача дела для третейского разбирательства невозможна в силу того, что арбитры не были конкретно поименованы. Лорд Хершел в своей речи по этому делу высказался в том смысле, что хотя судьи, выносившие решение “... считают, что закон места исполнения большей части контракта определяет, что вес права сторон по этому контракту должны регулироваться правом места исполнения, я не могу согласиться с ними в этом заключении. Поскольку контракт заключен между сторонами с различным местопребыванием, где существуют различные системы права, то всегда возникает вопрос, какое право они имели в виду, заключая контракт, и в соответствии с каким правом было их намерение подчинить все или часть прав, возникающих из контракта. Рассматривая, какое право применимо к контракту, нет сомнений,

что закон места исполнения имеет большую важность, но и закон места заключения имеет большую важность. В данном случае место исполнения контракта отлично от места его заключения. Нет необходимости пускаться в исследование, чтобы какому-либо из этих соображений придать больший вес: месту, где контракт был заключен, или месту, где он должен быть исполнен.

На наш взгляд, оба эти положения должны быть приняты в расчет, но ни одно из них не является само по себе решающим, как представляется, относительно конкретного права, которому стороны намеревались подчинить свой контракт. В этом случае, как и во всех подобных ему, необходимо смотреть на весь контракт, и право, регулирующее контракт, должно выводиться из условий контракта. Это вполне относится к компетенции тех, кто заключает контракт, — указать... какая система права была бы применима к толкованию контракта. В данном деле арбитражная оговорка вполне ясно указывает, что стороны имели намерение, что права из контракта должны определяться по праву Англии...".

Одной из причин достаточно раннего принятия теории "автономии сторон" в Англии в то время было господство философии "laissez faire" (неограниченной свободы предпринимательства без вмешательства государства — фр.). Говоря о развитии доктрины применимого права в США, можно отметить, что Верховный Суд США впервые признал за сторонами право на выбор применимого к их отношениям права только в 1953 году (Lauritzen V. Larsen, 345 C.S.571, 1953). Такое отношение было во многом в силу значительного влияния профессора Биля (Beale), который негативно относился к доктрине "автономии сторон".

В современной американской правовой литературе проблеме оговорки в контракте о выборе права придается большое внимание, отмечается, что от этой оговорки может зависеть действительность оговорки о выборе места суда, указывается, что возможность выбора сторонами контракта применимого права должна быть обусловлена тем, что избранное сторонами право имеет существенное отношение к сторонам сделки и к самой сделке и не является противоречащим публичным интересам того государства, где подан иск. Единый торговый Кодекс США (1-105) разрешает сторонам выбрать применимое к контракту право, если сделка имеет "разумную связь" с применимым правом. Таким образом, автономия сторон допускается, но в разумных пределах.

Однако подобный подход, как отмечается, не является приемлемым, например, для сторон американо-германской сделки, которые не желают выбирать в качестве применимого права

германское или американское право, а хотели бы избрать право "нейтрального" государства, например, Англии. Конвенция о международной купле-продаже товаров (1980 г.), когда ее положения применимы, разрешает сторонам выбрать применимое к контракту право без ограничений, и в случае применимости этой конвенции стороны американо-германской сделки вполне могли бы избрать применимым правом английское право.

Другой аспект этой же проблемы состоит в том, что есть немало случаев, когда суды отказываются следовать контрактным оговоркам о выборе права, находя их нарушающими публичные интересы (публичный порядок), выражением которых могут быть, например, императивные нормы законодательства различных стран. Тем самым в американской юридической литературе ставятся вопросы, например, могут ли стороны подчинить различные аспекты своего контракта праву различных государств или должны ли суды одной стороны признавать и применять императивные нормы другой стороны, не следуя оговоркам о выборе права и места суда, содержащихся в контракте. Суды вообще подходят к подобным ситуациям довольно гибко. Точка зрения суда на публичные интересы (публичный порядок) может быть выражена, например, так, что, допуская применение оговорки о выборе права, суд решит, что эта же оговорка не исключает применения права суда к обстоятельствам спора сторон или что спор не подпадает под данную оговорку о выборе права.

Часто американскими судами вопрос о возможности для сторон выбрать применимое к их отношениям право решался в зависимости от того, к какой сфере правового регулирования относился спор. Так, федеральные суды высказывались в пользу того, что антитрестовое законодательство США не может быть предметом арбитражного разбирательства и не может быть обойдено посредством оговорок о выборе права в силу публичного интереса в функционировании конкурентоспособной национальной экономики. Однако Верховный Суд США в решении по делу *Mitsubishi Motors Corp. V. Saler Chrysler-Plymouth, Inc.* 473 US. 614 (1985) высказался в пользу возможности арбитражного разбирательства исков, возникающих из международных торговых сделок, а также, что арбитры могут применять Закон Шермана при вынесении своего решения. Еще раньше в 1974 году по делу *Sherk V. Alberto-Culver Co.*, 417 US 506 Верховный Суд США высказался в пользу возможности арбитражного разбирательства дел, связанных с законодательством по ценным бумагам. Однако и в этих случаях в своих решениях Суд не разрешил всех вопросов. Остается неясным, в какой степени арбитры должны

применять антитрестовое законодательство США, в какой степени возможен контроль американского суда за этим и что, если применение антитрестового законодательства арбитражи в каком-то случае будет не соответствовать его применению американскими судами.

Дело *Sherk V. Alberto-Culver Co.*, 417 US 506 (1974) в американской правовой литературе рассматривается как эпохальное, так как впервые американский суд указал на большую важность положений контракта о применимом праве и выборе места суда, даже если следование этим положениям противоречит публичным интересам США.

Alberto-Culver являлась корпорацией, инкорпорированной в штате Делавэр, со штаб-квартирой в Иллинойсе, производящей парфюмерную продукцию. Она заключила контракт с корпорацией *Sherk* о покупке трех фирм, созданных по праву ФРГ и Лихтенштейна и ведущих торговлю косметикой в Европе. В 1969 году *Alberto-Culver* подписала контракт в Вене о покупке всего пакета акций указанных трех фирм, включая все права на торговую марку *Sherk* в отношении ее продукции. Контракт содержал два положения, которые стали центральными в будущем споре. Первое положение давало гарантию со стороны *Sherk*, что она является единственным собственником передаваемых по контракту торговых марок и они не обременены никакими обязательствами. Второе положение требовало от сторон все споры, возникающие из контракта или его нарушения, решить в арбитражном порядке в Международной Торговой Палате в Париже. При этом применяться должно право Иллинойса.

Через год после подписания контракта *Alberto-Culver* обнаружила, что *Sherk* не обладала “чистой” собственностью на проданные торговые марки, и что имелись третьи лица, которые могли заявить права на эти торговые марки, причем “старшие” права, чем те, которые принадлежали *Alberto-Culver*. Тогда *Alberto-Culver* предложила расторгнуть контракт, но *Sherk* отказалась. *Alberto-Culver* предъявила иск в Федеральный суд Иллинойса против *Sherk*, обвинив последнюю в том, что ее гарантия в отношении “чистой” собственности на торговые марки и последующее неподтверждение этого образует мошенничество, связанное с покупкой или продажей ценных бумаг в нарушение ст. 106-5 Закона о ценных бумагах 1934 года. В ответ на иск *Sherk* просила суд отклонить иск впредь до арбитражного разбирательства в Париже, как того требует положение контракта о месте суда. *Alberto-Culver*, в свою очередь, просила суд наложить запрет на арбитражное разбирательство на основании того, что публичные интересы США, выражающиеся в предотвраще-

нии мошенничества с ценными бумагами, перевешивают необходимость следования частным интересам сторон. Эта позиция была поддержана Федеральным судом в первой и апелляционной инстанциях. Однако Верховный суд США отменил эти решения, указав, что намерение сторон, как оно выражено в международном контракте, должно превалировать даже тогда, когда одна из сторон ссылается на мошенничество, связанное с ценными бумагами.

Большинство судей, вынося решение, обратилось к особой природе международного контракта на основе своего решения. Они обратили внимание на риск для сторон, если не исключить возможность применения более чем одного материального права. В данном случае это не был контракт между двумя американскими фирмами, где федеральное право США было бы безусловно применимо. Более того, контракт предусматривал покупку фирм, созданных по праву ФРГ и Лихтенштейна, между американским покупателем и германским продавцом. Переговоры о контракте велись в США, Англии, ФРГ, подписан же контракт был в Австрии. Права на торговую марку, вызвавшие спор, включили продажи в нескольких европейских государствах. Таким образом, Верховный суд указал, что любая из перечисленных стран могла установить юридические нормы, определяющие те или иные права и обязанности сторон, что создало бы непредсказуемые последствия для контракта.

В этих обстоятельствах следование положениям контракта о применимом праве и выборе места суда является разумным способом уменьшить риск конфликтов как между сторонами контракта, так и юрисдикциями различных государств. Таким образом, Верховный суд США, вынося решение в пользу *Sherk*, склонил весы между внутренними государственными интересами и интересами международной политики решительно в пользу международных интересов.

Это решение было как бы сигналом для иностранных компаний, ведущих свой бизнес в США, что американские суды будут следовать оговорке в международных контрактах о применимом праве и о выборе места суда, что не могло не сказаться на климате международной торговли. Следуя этим оговоркам на государственном уровне даже тогда, когда затрагиваются публичные интересы США, как в деле *Sherk*, США могли рассчитывать на взаимность со стороны других стран, хотя необходимо заметить, что судебное решение по этому делу не установило раз и навсегда приоритет оговорок в контрактах о применимом праве и выборе места суда над публичными интересами США.

В завершение следует отметить, что ряд аргументов в пользу

или против автономии сторон, состоявшимися в том, что позволение сторонам выбрать право, применимое к их контракту, означает как бы образование некоего “законодательного органа” двумя сторонами контракта. Это была позиция профессора Дж. Била (Beale). А Лоренцен (Lorenzen) приводил тот аргумент, что позволение сторонами выбрать право в этом смысле подразумевает делегирование суверенной власти государства частным лицам. Эти взгляды не восприняты в силу того, что большинство суверенных государств сами признали возможность за сторонами выбирать применимое право, и это было сделано именно в силу суверенитета государства, а не признания его ограничения. В отличие от законодательства, действие которого имеет нормативный характер, выбор сторонами применимого права означает его применение только в отношении конкретного контракта, прав и обязанностей, возникающих из него.

Другой аргумент был выдвинут в странах континентальной системы права, а именно: любое действие может иметь юридические последствия только в том случае, если ему даны таковые компетентным правом. Герман Фон Бар писал, что прежде чем допускать осуществление намерения сторон, мы должны знать, из какого права в смысле территориальности должны быть выведены ограничения этих намерений. Если бы стороны могли предписывать, какое территориальное право применять к праву обязательств, то они могли бы просто заявить, что любое иностранное право, которое им нравится, может применяться к их контракту и, возможно, был исполнен.

Однако и на этот аргумент о том, что только право может определить, что и в какой мере оно регулирует, возразили тем, что на практике большинство контрактов совершается и исполняется независимо от “применимого права” и без обращения к нему. Если контракт добровольно исполнен, то нет необходимости обращаться к праву. Таким образом, нет причины определять, какая правовая система регулирует конкретные взаимоотношения между сторонами. Только когда существуют разногласия относительно значений контрактных условий или когда сторона обращается за действием в осуществлении прав и обязанностей, возникающих, по ее мнению, в соответствии с контрактом, только тогда возникает единственная необходимость определить применимое право и только в той степени, в которой необходимо ответить на вопросы, поднятые сторонами. Намерения сторон будут превалировать над всё́м, кроме императивным норм применимого права и публичного порядка.

Важное требование для всех правовых норм, будь они материальными или коллизионными, состоит в том, что они должны

обеспечить определенность, предсказуемость и единство правового регулирования. Автономия воли сторон в определении применимого права не гарантирует унифицированные и предсказуемые решения по делам, касающимся международной торговли, но она гарантирует определенность, единство и предсказуемость для самих сторон. Она позволяет сторонам быть уверенными в том, какое право будет применимо к их контракту, действие и толкование контракта становится предсказуемым и, в свою очередь, обеспечивает единство в отношении конкретного спора, какого бы характера ни был суд, где бы он ни проходил и кто бы ни был судьей. Эта оговорка о выборе права позволяет сторонам избежать того, чтобы контракт регулировался “нечетким” или “непредсказуемым” правом и что решение по спору принято только в силу применения какой-либо несоответствующей или неподходящей коллизионной нормы.

Аргументы в пользу автономии сторон в выборе применимого права еще более сильны, если рассмотреть их в сфере спора по контракту, представленного на рассмотрение в Международный коммерческий арбитраж. Арбитры не имеют каких-либо обязанностей в отношении какого-либо суверенного государства, полномочия арбитрам представлять стороны. Арбитры не имеют своего собственного материального права или коллизионных норм. У них менее трудная задача в смысле определения применимого права. Арбитру необходимо только обратиться к избранному сторонами праву, которое выражено или в арбитражной оговорке или в соглашении, высказанном перед арбитром во время слушания дела. Применение коллизионных норм является само по себе проблематичным, объяснить же их выбор еще более трудно. Следовательно, арбитры стремятся избежать того случая, когда им самим приходится делать выбор. Это они могут сделать, когда стороны сами пришли к соглашению относительно применимого права. Представляя на рассмотрение арбитража свой спор, стороны как бы перемещают его из-под юрисдикции какой-либо страны. Тем самым они показывают намерение избежать юрисдикции какого-либо государственного суда и “переместить” разбирательство своих контрактных отношений на международный или негосударственный уровень. Без какой-либо национальной системы права, без права суда, на которые можно было бы опереться, что могло бы стать основой для арбитров в определении прав и обязанностей сторон? Такой основой могла стать и стала воля сторон в определении применимого права.

Включение в контракт, имеющий фактические связи с несколькими государствами, арбитражной оговорки, представляю-

шей разрешение спора, происходящего из контракта, в каком-либо международном арбитраже означает волеизъявление сторон переместить разбирательство на международный уровень, за пределы какой-либо национальной юрисдикции. В этом случае арбитры прежде всего должны выявить выраженную или подразумеваемую волю сторон, чтобы решить коллизионную проблему, присущую подобному разбирательству, и определить материальное право, применимое к контракту. Если это не удастся, арбитр, решая *ex bono et aequo*, должен определить применимое право, которое наиболее подходит к контракту, принимая во внимание объективные условия и особые обстоятельства дела.

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 г.

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

А.А. К а з а к о в*

В современных условиях дальнейшее обеспечение интеграции России в Мировую систему хозяйственных связей, участие в процессе международного разделения труда, активное привлечение иностранных инвестиций, увеличение объемов участия российских субъектов права в мировом частнопроводном обороте становится крайне затруднительным без наличия в российском праве развитой системы правового регулирования международных частнопроводных отношений.

Проблемы систематизации норм международного частного права исследовались разными поколениями отечественных юристов. Уже в 20-е годы была начата разработка советской системы норм МЧП (например, см. Плоткин М.А. Об общесоюзной советской системе норм Международного Частного Права//М.: Международное Право, 1928. — № 1. — с. 96—101).

*Слушатель Российской школы частного права при Президенте РФ, начальник юридического управления Балашихинской Торгово-Промышленной Палаты.